

ЭКСПЕРИМЕНТ 019

КНИГА ВТОРАЯ

Елизавета Буркат

Эксперимент 019

«Автор»
2026

Буркат Е. С.

Эксперимент 019 / Е. С. Буркат — «Автор», 2026

ЭКСПЕРИМЕНТ 019Цикл «Поле забытых костей». Книга вторая.Он был самым маленьким в помёте. Самым тихим. Тем, кто уступал еду братьям, утешал их после болезненных процедур и никогда не пытался укусить человека, даже когда было больно.В лаборатории его называли 019.Люди хотели создать идеальное оружие. Они вводили препараты, наблюдали за изменениями и записывали результаты. Но не учли одного: вместе с телом менялось и сознание.019 учился понимать человеческую речь, замечать закономерности и задавать вопросы. Почему больно? Почему нельзя уйти? Почему одни имеют право решать судьбу других?Он ещё не знал, что ответы изменят его навсегда.Это история о маленьком существе, которое слишком рано узнало жестокость. О попытке сохранить добро там, где его никто не ценит. И о том, как однажды даже самое доброе сердце может перестать верить в милосердие.

© Буркат Е. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Самый маленький 5
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Елизавета Буркат
Эксперимент 019

Глава 1. Самый маленький

В любой приличной семье есть тот, кто принимает решения, тот, кто создаёт проблемы, и тот, кто потом всё это разгребает.

В семье из нескольких котят распределение обязанностей произошло естественным образом. Мать принимала решения, братья создавали проблемы, а самый маленький пытался их разгребать.

Получалось не очень.

Он был самым маленьким в помёте. Не то чтобы остальные были особенно крупными, но на их фоне он выглядел так, словно природа в последний момент вспомнила о нём и решила закончить работу на скорую лапу.

У него были большие уши, тонкие лапы и шерсть необычного окраса. На голове торчали небольшие кисточки, отчего он напоминал уменьшенную и не слишком убедительную копию рыси. Возможно, кто-то из его далёких предков действительно имел отношение к мейн-кунам, но сам он об этом, разумеется, не знал. Да и вряд ли эта информация помогла бы ему в дальнейшей жизни.

Братья считали его странным.

Мать, кажется, считала это особенностью характера.

Когда все устраивались возле неё, он обычно оказывался с краю. Когда братья начинали толкаться, он отступал. Когда кто-то первым добирался до миски, он не пытался отобрать добычу, а ждал, пока остальные закончат.

В результате ему доставалось меньше всех, зато никто не мог обвинить его в жадности.

Хотя, если быть честными, никто и не собирался.

Он не любил драться. Не любил шипеть без причины. И уж совершенно не понимал, зачем нужно отнимать у другого то, чего самому хватает.

Иногда он даже пытался вмешиваться в братские разборки. Подходил, вставал между дерущимися и осторожно толкал одного из участников лапой. Обычно это заканчивалось тем, что получал и он.

Но попыток не оставлял.

Мать вылизывала его особенно долго. Иногда он засыпал прямо под её лапой, уткнувшись носом в тёплую шерсть. Там было спокойно. Там пахло молоком, домом и чем-то таким, для чего у котов не существовало отдельного слова.

Наверное, безопасностью.

Он не знал, что такое безопасность. Просто пока мать была рядом, мир казался вполне сносным местом.

А потом появились люди.

Сначала люди не казались чем-то особенно страшным.

Они приносили еду, убирали помещение, иногда брали котят на руки. Правда, делали это без особой нежности, но котята не были настолько избалованными, чтобы предъявлять претензии к обслуживанию.

Иногда люди делали больно.

Это было неприятно, но быстро заканчивалось. После процедур котят возвращали обратно, и они снова собирались возле матери. Она вылизывала их, успокаивала, проверяла, все ли на месте.

Самый маленький быстро понял, что сопротивляться бесполезно.

Когда его доставали из клетки, он не вырывался. Когда удерживали лапу, не пытался укусить. Он мог испугаться, мог зашипеть, но довольно быстро затихал.

Один из братьев однажды попытался выцарапать человеку глаза. Вернулся с обработанной лапой и очень недовольным выражением морды.

Самый маленький решил, что такой способ общения с людьми не слишком эффективен.

В следующий раз, когда пришли за ним, он пошёл сам.

Возможно, именно тогда люди впервые обратили на него внимание.

Или, возможно, им просто понравилось, что один из подопытных не создаёт лишних проблем. В лаборатории вообще ценили удобство. Особенно если оно помещалось в небольшую клетку и не требовало отдельного бюджета.

Постепенно эксперименты стали повторяться чаще.

Его забирали, фиксировали на холодной поверхности, вводили препараты, возвращали обратно. Иногда после этого он долго спал. Иногда его трясло. Иногда он не мог нормально есть, хотя голод оставался.

Люди что-то записывали.

Они вообще много писали. Видимо, считали, что если достаточно подробно описать происходящее, оно станет менее жестоким.

Самый маленький не знал, что именно ему вводят. Он не понимал слов, которые произносили люди, не мог прочитать записи на планшетах и не видел смысла в цифрах, которые появлялись на экранах.

Он знал только, что после некоторых процедур братья чувствовали себя плохо.

И это его беспокоило гораздо сильнее, чем собственная боль.

Когда одного из братьев возвращали в клетку вялым и почти неподвижным, он сразу подползал к нему. Ложился рядом, прижимался боком и начинал мурлыкать.

Иногда брат отвечал ему слабым движением хвоста.

Этого было достаточно.

Он не мог вылечить его, не мог объяснить людям, что они делают что-то не то, не мог даже заставить их прекратить. Но мог согреть.

А если ты маленький котёнок, список доступных способов решения проблем довольно ограничен.

Он пользовался теми, которые были.

Однажды на его клетке появилась металлическая табличка.

Люди почему-то считали, что цифры способны навести порядок даже там, где его никогда не было.

— Ноль один девять, — произнёс мужчина в белом халате, сверяясь с планшетом.

Котёнок поднял голову.

Мужчина не обратил внимания.

— Реакция на препарат положительная. Переносимость выше ожидаемой.

Другой сотрудник что-то записал.

— Тогда увеличиваем дозировку.

Последние два слова котёнку особенно не понравились.

Не потому, что он понимал их значение. Просто после них обычно происходило что-то болезненное.

Впрочем, в лаборатории почти всё интересное начиналось с того, что кому-то становилось больно.

Сначала он запоминал только последовательность событий. Человек произносил несколько звуков, затем открывалась дверца, появлялась рука, его доставали и несли в соседнее помещение.

Потом он начал замечать повторения.

Одни и те же люди произносили одни и те же слова, совершая одни и те же действия.

«019» — поворот головы в его сторону.

«Процедура» — открывается клетка.

«Дозировка» — появляется шприц.

«Стабильный» — его возвращают обратно.

Он ещё не знал, что такое язык. Не понимал грамматики, не мог объяснить себе, почему один звук отличается от другого.

Но в его голове постепенно выстраивалась система.

Если звучит одно — происходит другое.

Если человек надевает определённые перчатки, значит, скоро будет больно.

Если перед клеткой останавливаются двое, а не один, значит, процедура будет долгой.

Если один из сотрудников начинает нервно постукивать пальцами по планшету, лучше заранее приготовиться к неприятностям.

Последнее, конечно, не имело никакого научного обоснования. Но котёнок предпочитал не спорить с наблюдениями, особенно если они помогали сохранить шкуру.

Его сознание постепенно менялось. Мысли становились сложнее, между отдельными событиями возникали связи. Он уже не просто запоминал, что произошло вчера. Он пытался предугадать, что произойдёт завтра.

Однажды он услышал знакомое:

— Ноль один девять.

И повернул голову ещё до того, как человек подошёл к клетке.

Сотрудник остановился.

— Смотри-ка. Уже реагирует на идентификатор.

— Совпадение.

— Возможно.

Они переглянулись и пошли дальше.

А котёнок остался лежать, впервые заметив, что люди иногда произносят звуки, которые относятся именно к нему.

Он не знал, что у него есть имя.

Зато уже знал номер.

И, судя по всему, это было начало чего-то гораздо более интересного, чем очередная инъекция.

После увеличения дозировки его стали забирать чаще.

Иногда после очередной процедуры он возвращался в клетку настолько уставшим, что даже братья, обычно не отличавшиеся деликатностью, старались его не беспокоить.

Но однажды его отнесли не обратно.

Его положили на широкую металлическую поверхность, рядом с которой уже находились другие котята. Над каждым висела прозрачная ёмкость с какой-то жидкостью. От неё тянулись тонкие трубки, закреплённые на маленьких лапах.

Люди называли это капельницами.

Слово появилось в его голове не сразу. Сначала он просто запомнил звук. Потом заметил, что после него его укладывают на стол, подключают к прозрачным трубкам и оставляют в покое.

Что, пожалуй, было одним из самых приятных видов человеческого взаимодействия.

В жидкости находилось что-то полезное. Позже он узнает, что это витамины и препараты для восстановления организма. Пока же он просто замечал, что после таких процедур ему становилось легче.

Организм 019 хорошо справлялся с мутагеном. Настолько хорошо, что учёные решили не экономить на его восстановлении.

Остальным повезло меньше.

Вернее, не повезло вообще.

Капельницы получали только те, чьи показатели после введения мутагена считались перспективными. Остальные обходились тем, что их организм мог восстановить самостоятельно.

В лаборатории даже забота имела критерии эффективности.

— Этот пока без восстановления, — произнёс один из сотрудников, проходя мимо соседнего стола.

— Показатели?

— Отрицательная динамика. Не вижу смысла тратить препараты.

— Тогда оставляем под наблюдением.

Люди ушли.

019 лежал на боку, постепенно приходя в себя, и рассматривал соседей.

Слева находился серый котёнок. Он был немного меньше самого 019 и почти всё время спал.

Справа — белый.

Совершенно белый, без единого пятнышка, словно его изготовили по отдельному заказу и забыли добавить расцветку.

019 осторожно потянулся к нему лапой.

Белый не отреагировал.

Тогда он тихонько замурлыкал.

Обычно это помогало. По крайней мере, дома мать всегда откликалась, а братья хотя бы шевелили ушами.

Но белый котёнок продолжал лежать неподвижно.

019 попробовал коснуться его ещё раз. Потом потянулся носом, пытаясь уловить знакомый запах.

Котёнок дышал, но очень слабо. Его маленькое тело почти не двигалось.

019 не понимал, что происходит.

Он посмотрел на прозрачную трубку, которая шла к белому котёнку, потом на собственную.

Люди подключили их к одной и той же системе.

Значит, она должна была помогать.

Это было вполне логично.

Он осторожно повернулся, потянулся к соседней трубке и попытался достать её зубами.

С первого раза не получилось. Трубка была слишком далеко, а собственная капельница мешала двигаться.

Он попробовал ещё раз.

На этот раз получилось.

Тонкая трубка поддалась под зубами и лопнула.

Жидкость перестала поступать.

019 подождал.

Белый котёнок не шевелился.

Он снова замурлыкал, осторожно коснулся его лапой и подождал ещё немного.

Ничего.

Он не знал, что только что лишил соседа единственного источника препаратов, которые могли помочь ему восстановиться. Не знал, что жидкость в трубке была не лекарством от всего на свете.

И уж точно не знал, что иногда даже самые искренние попытки спасти кого-то заканчиваются совершенно противоположным результатом.

Он просто видел, что одному плохо, а у другого есть то, что, возможно, поможет.

Когда никто не отреагировал, 019 снова лёг на бок.

Собственная трубка продолжала подавать жидкость. Он мог бы заняться ей, попытаться восстановить то, что повредил, но теперь уже не понимал, зачем.

Он ещё немного посмотрел на белого котёнка.

Потом закрыл глаза.

В лаборатории тем временем обнаружили повреждённую систему и записали очередное отклонение в журнал наблюдений.

— Опять девятнадцатый?

— Да.

— Что на этот раз?

— Повредил соседнюю капельницу.

— Зачем?

— Неизвестно.

— Поведенческая реакция?

— Возможно.

— Надо будет проверить.

Человек поставил отметку в документах и отправился дальше.

019 ничего этого не слышал.

Он спал.

Во сне ему снова виделась мать. Она лежала на боку, а он устраивался рядом, прижимаясь к её животу. Братья толкались, кто-то наступил ему на хвост, кто-то пытался отобрать место.

Всё было как обычно.

Там никто не подключал к лапам трубки.

Никто не произносил цифры.

И никто не решал, кому из них сегодня достанется помощь.

С каждым новым экспериментом его организм менялся.

Сначала изменения были почти незаметны. Он быстрее восстанавливался после процедур, лучше переносил препараты, дольше оставался активным.

Потом стал расти быстрее братьев.

Его движения становились точнее, реакция — быстрее.

А мышление продолжало развиваться.

Он уже различал некоторых сотрудников по запаху, голосу и походке. Знал, кто обычно приносит еду, кто открывает клетку, а кто появляется перед очередной процедурой.

Однажды он услышал знакомое:

— Ноль один девять.

Но на этот раз всё произошло иначе.

Котёнок поднял голову, прислушался, а затем неожиданно поднялся на задние лапы.

Передними он упёрся в прозрачную стенку клетки.

— Мяу!

Человек остановился.

019 повторил.

— Мяу!

Он не знал, чего именно хотел добиться. Просто звук, который он уже несколько раз слышал, снова прозвучал рядом. И теперь он хотел, чтобы тот, кто его произнёс, обратил на него внимание.

— Ты посмотри, — произнёс сотрудник, подходя ближе. — Он откликается.

Котёнок снова мяукнул.

Человек усмехнулся и что-то записал в планшет.

— Похоже, идентификатор уже закрепился.

019 остался стоять у стекла.

Он ещё не понимал, что это имя. Не знал, что такое обращение и почему люди используют звуки, чтобы привлечь внимание друг друга.

Но, кажется, начинал понимать одну важную вещь.

Эти три звука относились именно к нему.

И когда их произносили, он мог ответить.

Учёные были довольны.

В документах начали появляться новые отметки. Его выделили среди остальных, перенесли в отдельную группу наблюдения и стали проводить дополнительные исследования.

Он не знал, что стал перспективным.

Он вообще не знал, что можно быть перспективным котёнком. В его представлении перспективным считался тот, кто первым добирался до миски или находил самое тёплое место для сна.

С этой точки зрения его дела обстояли не блестяще.

Но он продолжал делать то, что умел лучше всего: терпеть и заботиться о своих.

Когда еды становилось мало, он отступал. Когда братьев забирали на процедуры, он беспокоился. Когда возвращали, проверял каждого, насколько позволяли лапы и собственные размеры.

Мать наблюдала за ним.

Иногда она пыталась отодвинуть его от остальных, чтобы он тоже поел. Иногда сама приносила ему кусочки. Она не понимала, почему он постоянно уступает, но, кажется, уже привыкла к его странностям.

Он был её самым маленьким.

И, возможно, самым беспокойным.

Однажды она уложила его рядом с собой и долго вылизывала между ушами.

Он замурлыкал, закрыл глаза и прижался к ней сильнее.

В тот момент ему не нужны были ни капельницы, ни препараты, ни человеческое внимание.

Ему хватало матери.

Он ещё не знал, что именно это однажды станет для него самой недоступной роскошью.

Однажды его снова забрали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.